

A hand is shown holding a glowing purple lightning bolt. The hand is positioned over an open book. The background is a dimly lit room with stacks of books and a window in the background. The overall atmosphere is mysterious and intellectual.

Владимир Кожевников

**Слова, которые
растут в тишине**

Владимир Викторович Кожевников

Слова, которые растут в тишине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73288958

SelfPub; 2026

Аннотация

Одинокий писатель Леонид обнаруживает, что его творческий кризис и глубокое одиночество становятся питательной средой для странного симбиоза: на пустых листах бумаги начинают сами собой произрастать тексты загадочной цивилизации Логосов. Постепенно захватывая его реальность, совершенные, но бездушные смыслы предлагают ему вечность в обмен на живую, хаотичную человеческую сущность. Произведение исследует границы между творчеством и одержимостью, порядком и хаосом, тоской по совершенству и мужеством оставаться несовершенным, задавая вопрос, что остается от человека, когда его внутренний мир систематизируют и архивируют.

Содержание

Глава 1. Чернильная плесень.	4
Глава 2. Словарь тишины.	7
Глава 3. Точка невозврата.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Кожевников

Слова, которые растут в тишине

Глава 1. Чернильная плесень.

Комната Леонида пахла старой бумагой, пылью и тишиной. Не той благородной тишиной библиотек, а густой, вязкой, напоминавшей запах заплесневелых камней в подземных склепах. Он сидел за столом, и пустой лист перед ним белел ослепительным, почти враждебным пятном – белизной стерильного поля, на котором умерли все посевы. За окном лился городской дождь, люди бежали по лужам, смеялись, зонтики цвели пестрыми грибами. Здесь же, за стеклом, звуки тонули, не долетая; мир снаружи был немым кино, а он – единственным зрителем в зале.

Его одиночество было вещью в себе. Сущностью. Оно впиталось в стены, стало составом воздуха, тяжелой солью на суставах пальцев, сковывающей движение. Слова, которые он пытался вымучить из себя, рождались уродливыми и плоскими, как галька, обточенная годами молчания.

И тогда он заметил пятно. Маленькое, в левом нижнем углу листа. Сначала – дефект бумаги. Но, склонившись, раз-

личил структуру: не пятно, а колония. Мириады микроскопических, волосистых тел цвета увядшей фиалки и патины на старинном серебре. И она дышала. И росла. Не растекалась, а именно росла, вытягивая из бумаги-почвы гифы-буквы, складывающиеся в слова неведомого языка.

«Усталость, – подумал Леонид с плоской усмешкой. – Кислородное голодание мозга». Он потянулся выкинуть лист, но рука замерла. Рост был осмыслен. Гифы тянулись, выписывая изящные, математически выверенные завитки, образуя строки, абзацы. Он видел пунктуацию, видел ритмические паузы. Это был не рисунок. Это был текст. Чужой. Непостижимый. Прекрасный.

Страх, холодной иглой прошедший по спине, сменился жадным, всепоглощающим любопытством. Он просидел до утра, наблюдая, как тишина в комнате сгущается, становясь питательным бульоном для этого тихого чуда. Его собственное одиночество, эта вечная, ноющая пустота, вдруг обрело функцию, плотность, удельный вес. Оно было не дефицитом, а первоматерией.

К рассвету, когда за окном посветлело до цвета мокрого асфальта, текст занял весь лист. А в центре последней строки, как живая точка, дрожала новая, аметистовая спора, готовая дать жизнь следующей странице. Леонид, осторожно прикоснувшись к ней подушечкой пальца, почувствовал слабый ток, легкий, как укол совести. В этом прикосновении была странная завершенность и начало. Диалог был начат.

Он больше не пытался быть писателем. Он стал кем-то вроде хранителя, симбионта, чья глубокая, выстраданная изоляция оказалась единственно возможной почвой для прорастания иных, давно ожидавших своего часа смыслов. И где-то в глубине, под восторгом, шевельнулся тихий, холодный вопрос: а что, если почва со временем истощается?

Глава 2. Словарь тишины.

Следующий лист созрел за ночь. Леонид наблюдал, замороженный, как спора разворачивается в сложную структуру – не поэму, а схему, архитектурный план или расшифровку генома неведомого существа. Ее логику он ощущал физически, кожей, как давление перед грозой. В воздухе витал сладковатый, гнилостно-медовый запах – аромат распада, который есть начало иного роста.

Жизнь его кристаллизовалась в ритуал. Утром – священнодействие снятия исписанного листа, вечером – подношение нового, из пачки бумаги ручной работы, холодной и плотной, как пергамент. Он начал говорить с обитателем листа. Сначала шепотом, потом вслух, обсуждая сюжетные повороты, как с соавтором. «А если здесь сделать паузу?» – спрашивал он, и текст на следующий день отвечал изысканным лирическим отступлением. Диалог был полным. И абсолютно безумным.

Попытка вырваться наружу закончилась провалом. В супермаркете Леонид оглох. Не физически – звуковой ландшафт мира обрушился на него ржавым ломом: визг тележек, металлический голос из динамиков, лоскуты чужих разговоров. Это заглушало тихий, упорядоченный шепот, ставший для него музыкой сфер. Он стоял, сжавшись, не в силах взять с полки пакет молока – его пальцы забыли простые движе-

ния. Он бежал, спотыкаясь, обратно в свою берлогу. Дверь захлопнулась, отсекая чужой, враждебный мир. Реальность стала вирусом, угрожающим чистой культуре его симбиоза.

Понимание приходило не через расшифровку, а через откровение. Он не читал, а узнавал. Цивилизация Логосов: их города – спирали застывших высказываний, их тела – ходячие синтаксические конструкции, их войны – семантические катаклизмы, стирающие целые пласты смысла. Леонид поймал себя на мысли, что, глядя на закат, он не видит красоты. Он видит «постепенную-инверсию-светового-кода-с-преобладанием-красного-спектра». Его язык изнутри пожирал себя, замещаясь чужим.

Отражение в зеркале предавало его ежедневно. Контур лица будто плавали, настраиваясь на иную, нечеловеческую гармонию. В глубине зрачков, если смотреть под прямым углом к свету, мерцали крошечные лиловые двойные звезды. А однажды ночью текст, закончив страницу, не замер. Тончайшая, шелковистая гифа потянулась через край стола, коснулась его запястья и, с легким, прохладным жжением, вписала прямо в кожу миниатюрный символ – завиток, напоминающий @, но древний и органичный. Это не было больно. Это было актом владения. Леонид смотрел на клеймо цвета запекшейся крови и осознавал простую истину. Его великое, творческое одиночество завершилось. Теперь он был не писателем и даже не садовником. Он был первым томом в библиотеке, которую выращивал в себе. Титульным листом.

Глава 3. Точка невозврата.

Кипы листов превратили комнату в каменный лес, где деревья были бумажными, а воздух – густым от спор и статического напряжения смыслов. Леонид стал почти бесплотным. Его скелет, обтянутый пергаментной кожей с синеватыми водяными знаками вен, казался готовым зашелестеть от любого дуновения. Он поддерживал существование запахами чернил и тишиной, которая кристаллизовалась на губах, как иней. Символ-клеймо на запястье светился ровным, утробным свечением, освещая изнутри тонкие кости кисти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.